

Е.Г.Драгалина-Черная

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ИНСТИТУТ И АРГУМЕНТ: ЭКОНОМИКА КОНВЕНЦИЙ ДЛЯ *HOMO LOQUENS*¹

Экономика конвенций - французский междисциплинарный проект, развивающийся с конца прошлого века и выражаящий актуальную тенденцию перехода от классической оптимизационной к интерактивной модели рациональности. Экономика конвенций апеллирует не к *homo economicus*, чья рациональность предположительно моделируется функцией полезности на абстрактной номенклатуре благ, а к «*homo economicus*, разговаривающему с себе подобными»². Оптимизационная рациональность критикуется как эгоистическая (исключающая альтруистские предпочтения), материалистическая (исключающая престиж), совершенная (исключающая ограниченность информации), объективная (исключающая недостоверность информации), «архимедова» (сводящая многообразие предпочтений к одномерной функции полезности), параметрическая (не принимающая в расчет потенциальное разнообразие картин мира различных людей)³. В экономике конвенций скандальный, эгоцентричный и всеведущий *homo economicus* уступает место *homo loquens*, выносящему суждение об *оправданных общих мирах*, конституируемых в ходе аргументативного диалога с другими людьми. Интерактивная модель рациональности дополняет классический обмен благами и информацией обменом аргументами.

Неэлиминируемость аргументативного обмена обусловлена неполнотой координирующей функции институтов – конститутивных правил социального взаимодействия. Минимальный набор матричных институтов в экономике конвенций составляет триада: язык, деньги, право. «Индивидуальная рациональность, - как отмечают К. Бесси и О. Фавро, - невозможна без языка, рыночная экономика без денег, а демократическое общество - без права»⁴. Институты, конституирующие «грамматику социального», опираются на социальные конвенции - институциональные акты коллективного приписывания статусных функций. Институциональные факты, как подчеркивает Дж. Серл, «предполагают наличие структур в виде конститутивного правила "Х считается Y в контексте C" и существуют только в силу коллективного принятия факта наличия у чего-либо определенного статуса, причем этот статус обладает функциями, которые не могут выполняться при отсутствии такого коллективного принятия»⁵. Конституальность конститутивных правил, исключающая беспристрастный «взгляд из ниоткуда» на институциональные практики, влечет неизбежность

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 13-05-0037 "Политическое измерение нелегитимного аргумента в науках о языке и тексте" при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

² Бесси К., Фавро О. Институты и экономическая теория конвенций // Вопросы экономики, 2010, № 7. С. 23.

³ См.: Van Parijs, P. Le modèle économique et ses rivaux. Introduction à la pratique de l'épistémologie des sciences sociales, 1990, Genève, Droz.; Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. Том 2, № 1, 2001. С. 104.

⁴ Бесси К., Фавро О. Институты и экономическая теория конвенций // Вопросы экономики, 2010, № 7. С. 28.

⁵ Серл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики, 2007, №8. С. 14.

интенционального языка и семантики возможных миров в описании и интерпретации институциональной реальности⁶. Таким образом, межсубъектные конвенции по поводу следования правилу не позволяют перейти от множественности индивидуальных оправданий к глобальному универсуму, но лишь к локальным общим мирам или *градам* в терминологии Л. Болтански и Л. Тевено⁷. Глобальный консенсус относительно единственно правильного следования правилу принципиально недостижим. Его не может дать ни право, рассматриваемое как направленная на разрешение конфликта правил техника аргументации, ни политика, прибегающая к законному насилию для устранения сбоев координации.

Признание решающей роли аргументации в социальном взаимодействии связывается в экономике конвенций с постулированием интерпретативной рациональности *homo loquens*. Действительно, следование конститтивному правилу становится корректным лишь в силу коллективного признания его корректности. Однако это признание не обязано осуществляться в эксплицитной форме рефлексивной интерпретации. Более того, ни одно правило не может быть полностью эксплицитным в отношении своих возможных применений и даже имплицитно не окружено их ореолом. Интерпретация, как предостерегает Л. Витгенштейн, - это лишь замена одного выражения правила другим: «”следование правилу” – некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу»⁸. Совместное следование правилу – согласие не мнений, но форм жизни, достижимое в результате тренинга, а не интерпретации. Множественность принципов координации не может быть устранина на метауровне *оправданного общего мира* согласованных интерпретаций. Не открывает привилегированного доступа к такому миру и политическое принуждение, предстающее естественным дополнением интерпретативной рациональности. «Политическое зло, - замечает П. Рикёр, - столь серьезно именно потому, что оно является злом человеческой рациональности, специфическим злом специфического человеческого величия»⁹. Критика Витгенштейном интерпретативной рациональности устанавливает пределы консенсуса оснований: «Где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком. Я сказал, что стал бы “сражаться” с другим, — но разве я отказался бы приводить ему основания? Вовсе нет; насколько же далеко они простираются? В конце оснований стоит *убеждение*»¹⁰. Интерактивная рациональность состоит, таким образом, не в устремленности к универсальному фоновому согласованию различных интерпретаций, а в признании плюрализма убеждений как «скального грунта» институциональных практик.

⁶ Favereau O. La piece manquante de la sociologie du choix rationnel // Revue française de sociologie. 2003. Vol. 44, No 2. P. 275 – 295.

⁷ См.: Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. N 3; Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006. N 77.

⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). М.: Гнозис, 1994. С. 163.

⁹ Рикёр П. История истины. СПб.: Алетейя, 2002. С. 305.

¹⁰ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). М.: Гнозис, 1994. С. 611-612.